

ИГОРЬ РУЩЕНКО,

кандидат философских наук, начальник кафедры общей социологии Университета внутренних дел (Харьков)

Диалог социолога и юриста о латентной преступности, и не только об этом...

Abstract

The article is written in form of pseudo dialogue between sociologist and lawyer. The data of interrogation of Kharkov region inhabitants in few indicators is showed in the article:

- 1. A part of victimized residents during last 12 months (population's victimization proportion).*
- 2. General quantity of reported crimes during survey.*
- 3. Quantity of police reports.*
- 4. Degree of latency.*

The so called "Latency paradox" as a world-view and as a methodological problem is discussing in the article. The author maintains the thought about necessity of developing the domestic sociology of crime in co-operation with another criminal-law disciplines.

Социолог: У меня есть новость, которая должна Вас заинтересовать. Нам удалось в рамках украинско-британского проекта "Introducing context-driven community policing in Ukraine" измерить скрытую (латентную) часть преступности. Правда, не в общенациональном масштабе, а в двух локальных районах проживания харьковчан. Поскольку тема латентной преступности давно уже обсуждается криминологами, но, насколько мне известно, достаточно абстрактно, то, возможно, опыт прямого социологического измерения вызовет интерес юристов.

Юрист: Проблема латентной преступности стала классической темой для криминологов. Об этом красноречиво говорит тот факт, что практически во все современные учебники по криминологии авторы включают

соответствующий раздел. Так что для нас, юристов, “латентная преступность” — не новая тема. Но Ваше замечание об абстрактном подходе справедливо в том смысле, что в большинстве публикаций на эту тему авторы либо не приводят конкретных цифр, либо оперируют довольно сомнительными показателями. Данные разных исследователей плохо согласуются между собой. Например, можно прочесть следующее: “осторожные эксперты полагают, что соотношение зарегистрированных и латентных преступлений составляет примерно 1:3 либо 1:5. Менее осторожные говорят о соотношении 1:10, а то и больше” [1, с. 58]. По данным Хейдла, для преступлений, совершенных профессиональными преступниками, “темное число” составляет 1:100, а в среднем для преступности — 1:300 [2, с. 60]. А.Конев указывает на следующие соотношения: если принять зарегистрированные деяния за единицу, то латентность по убийствам может составлять 2, изнасилованиям — 6, тяжким телесным повреждениям — 4,9, хулиганству — 27,9, разбойным нападениям — 33,8, грабежам — 57,7, кражам личной собственности — 151,7, кражам государственной собственности — 73,2, хищениям государственного имущества — 925,8, взяточничеству — 2935, вымогательству — 17500 [3, с. 235]. Можно привести еще немало подобных суждений, но их разноречивость вызывает сомнения в точности подсчетов и надежности методик. Надеюсь, Ваш метод был лишен субъективизма...

Социолог: Наша методика сводилась к проведению стандартного массового репрезентативного опроса населения. Таким образом, точность измерения, надежность процедуры в целом определяются хорошо известными качествами опросного метода. Генеральные совокупности определялись границами выбранных районов, которые по условию эксперимента совпадали с территориями, закрепленными за двумя ГОМаи (подрайонами милиции). Мы опросили по 1000 жителей в каждом районе, отбор проводился по методу адресной выборки и методу Киша, то есть реализована схема случайного отбора респондентов. Интервьюировались лица в возрасте 15 лет и старше. Нашим методом можно выявить только те преступные посягательства, которые направлены против личности и имущества граждан, и определить так называемую “виктимную латентность”. Замечу, большинство экономических, хозяйственных и должностных преступлений и так называемых “преступлений без жертв” не поддаются исследованию путем прямого измерения, то есть методом интервьюирования граждан. Собственно, мы не изобрели ничего нового. Формула подобного исследования уже известна. Осуществляется так называемый виктимологический обзор и попутно социологи выясняют, обращались ли потерпевшие от преступных посягательств в органы правопорядка. В большинстве случаев респондентам предлагается сообщать о криминальных происшествиях за последний год; мы в своем опросе также определили “глубину обзора” в 12 месяцев. В США подобные обзоры (National Crime Survey) организует Бюро переписи населения дважды в год, начиная с 1973-го, и проводит их с американским размахом. Для этого на основе общенациональной репрезентативной выборки адресов создана так называемая “национальная панель преступности”, куда попадают до 60 тысяч семей. Внутри домохозяйств опрашиваются все, кто достиг возраста 12 лет, так что общее число респондентов достигает 100 000 [4, с.71]. В Великобритании

подобные исследования (British Crime Survey) проводятся с 1982 года, в Англии и Уэльсе; выборочная совокупность формируется на основе систематизатора почтовых адресов (Postcode Address File), опрашиваются более 10 000 человек, периодичность обзоров — 2–4 года [5, с. 162–163]. Викимнологические обзоры в настоящее время проводятся в большинстве развитых стран мира. Под эгидой Межрегионального института ООН (UNICRI) на рубеже 80–90-х годов проводились транснациональные сравнительные исследования в странах Центральной и Восточной Европы, в том числе в Польше, России, Грузии, Эстонии, Словении [6]. Украине в этот перечень попасть не удалось.

Юрист: Действительно, я не слышал, чтобы подобные масштабные акции проводились в Украине.

Социолог: До 90-х годов такие исследования не были возможны по идеологическим, политическим причинам; тогда даже официальная уголовная статистика, как вы знаете, хранилась за семью печатями. В те годы социологи даже близко не подходили к уголовно-правовой тематике. Сегодня главным препятствием является финансирование соответствующих программ, хотя имеются и чисто научные, методические и организационные проблемы. Во всяком случае, мы рассматриваем свой опыт как реальное начало, безусловно, важного направления прикладных социологических исследований.

Юрист: И каковы же Ваши основные результаты?

Социолог: Я готов представить итоговые результаты в табличной форме (см. табл., где сведены воедино данные по двум районам). Виды преступных посягательств расположены в порядке возрастания латентности. Данные подтверждают гипотезу о значительных различиях видов преступлений по этому критерию. При подведении итогов опроса и анализе данных мы поняли, что имеем дело с разными уровнями латентности и общая методика не срабатывает... Обратите внимание на явно заниженные показатели таких распространенных явлений, как семейное и сексуальное насилие. Конечно, нам не удалось измерить фактические уровни распространенности и того, и другого. Любопытно, что респонденты охотнее рассказывают о коррупции, чем о подробностях личной жизни. Это не означает, что социология в этом вопросе бессильна, — необходимо разрабатывать специальную, более “тонкую” методику исследования.

Юрист: А Вы делали попытку сравнить Ваши данные с результатами международных обзоров?

Социолог: Порядки совпадают. Но проблема подобных опросов состоит в том, что разные исследования по-разному операционализируют понятие преступности, и не всегда возможно сравнить итоговые данные. Попробуем сравнить показатель коррупции: мы зафиксировали уровень 5-процентной виктимности. По данным международного исследования 1991 года, о котором мы уже упоминали, уровень коррупции составлял: в Москве — 11,8%, Польше — 5,1%, Грузии — 20,7%, Любляне — 0,6%. Но в отношении коррупции справедливо говорить о “множественной виктимизации”. Обратите внимание на наши данные: примерно 100 человек сообщили о 262 случаях, есть граждане, которые систематически подвергаются вымогательству со стороны должностных лиц. Так, 19 человек указали, что за год такие случаи имели место 6 и более раз. В целом, мы считаем наши

данные достаточно репрезентативными и точными в тех границах, которые гарантирует данный тип и объем выборки.

Таблица

**Виктимизация населения и латентная преступность
(N = 2000)**

Виды преступных посягательств	% виктимизации	Кол-во деликтов	К-во обращений в правоохранительные органы	Коэффициент латентности, K = 4/5
Ограбление или разбойное нападение на жилище	1,6	39	39	1,0
Угон или кража автомобиля (мотоцикла)	0,6	13	13	1,0
Насилие в семье	1,1	55	36	1,53
Сексуальное насилие	0,4	13	8	1,63
Уличное ограбление или разбойное нападение	3,8	99	43	1,87
Квартирная кража	3,3	88	44	2,0
Побои, нанесение телесных повреждений	2,6	64	28	2,29
Кража автомобиля (мотоцикла) или его частей	3,0	83	35	2,37
Рэкет, вымогательство со стороны уголовных элементов	0,8	28	11	2,55
Умышленное повреждение автомобиля (мотоцикла)	1,8	50	9	5,56
Умышленное повреждение, порча имущества (без корыстных мотивов)	6,0	221	24	9,80
Уличное хулиганство	8,0	404	40	10,10
Вымогательство взятки со стороны должностных лиц	5,0	262	25	10,50
Кража с приусадебного участка	19,6	600	57	10,53
Обман в торговле (обвес, обсчет)	39,1	1487	25	57,2

Юрист: Я не вполне разделяю Ваш оптимизм. У меня есть два замечания. Во-первых, не следует обольщаться, что Ваша информация будет востребована теми, кому она логично предназначена. Есть такая правда, которой лучше не знать. Руководство правоохранительных органов, во всяком случае, не испытает восторга от любых данных, которые выходят за рамки официальных сводок. Как известно, уголовная статистика всегда была предметом манипуляций. И причин тому много. Одна из них — пресловутая цифра раскрываемости преступлений, по которой судят об эффективности работы уголовной милиции и которая прямо связана с числом зарегистрированных деликтов. Есть мотивы идеологического, политиче-

ского порядка. Причем это касается не только нас. “К сожалению, — писал известный американский политолог Даниэл Белл, — статистика преступности столь же ненадежна, как и женщина, сообщающая свой “настоящий возраст” [цит. по: 7]. У нас уголовная статистика носит сугубо ведомственный характер и вторжение посторонних в сферу подсчета преступлений для чиновников нежелательно. Тем более для них неприемлемо признание реальности огромных пластов скрытой преступности, ведь это бросает тень на качество официальной статистики, ставит под сомнение эффективность работы правоохранительных органов, выявляет тенденции, которые могут не совпадать с содержанием официальных отчетов и аналитики. Любой сотрудник правоохранительных органов Вам скажет, что милиция, прокуратура не справляются с объемами своих текущих заданий, куда же им еще думать о латентной преступности. Вот кто, пожалуй, будет рад Вашей информации, так это оппозиционные политики. Они могут использовать данные для критики правительства, но, правда, только до тех пор, пока им самим не придется взять на себя ответственность за работу милиции.

Социолог: Я думаю, Вы сгущаете краски. Сегодня по крайней мере руководящий состав органов внутренних дел, прокуратуры имеет высшее юридическое образование, понятие латентной преступности им знакомо еще по учебникам, лекциям и экзаменационным билетам. Так что их сознание вполне подготовлено к восприятию подобной информации, к тому же как практики они хорошо понимают ее природу и интуитивно представляют размеры. Проблема в том, что у нас криминология институционализировалась как сугубо юридическая наука. В США — это отрасль социологии, так называемая “социология преступности”. Не случайно, что именно там и началось углубленное социологическое изучение латентной преступности. Конечно, пользоваться социологическими методами никому не запрещено, в том числе и юристам. Но реальность такова, что наши криминологи-юристы крайне слабо используют широкие возможности эмпирической социологии. В этой области без профессиональных социологов не обойтись. Украинская социология, образно говоря, должна повернуться лицом к преступности. Исключительно важно изменить само отношение сотрудников правоохранительных органов к латентной преступности, ее цифры не должны превращаться в еще один дамоклов меч, висящий над головами практических работников. Эта информация необходима скорее для аналитиков, штабов, для тех, кто может повлиять на стратегию и тактику борьбы с преступностью. А каково Ваше второе замечание?

Юрист: Возможно, я Вас огорчу, но некоторые юристы ставят под сомнение существование латентной преступности, ибо преступление устанавливается в процессуальном порядке, преступление — это квалификация, оценка, а не акт или действие. С точки зрения юридической догматики должен быть установлен состав преступления, доказан умысел, виновность, вменяемость тех, кто подозревается в совершении преступления...

Социолог: Если я Вас правильно понял, то убийство, совершенное ребенком или человеком с психиатрическим диагнозом, — это как бы и не преступление, а что-то вроде стихийного бедствия, унесшего жизни людей?

Юрист: Да, выходит, что так. Это, в частности, связано с фундаментальным принципом современного уголовного права — формулой невменяемости. Впервые она была приведена в ст. 64 Французского (Наполео-

новского) уголовного кодекса 1810 года и гласила следующее: “...нет ни преступления, ни проступка, если во время совершения деяния обвиняемый был в состоянии безумия” [8, с. 126]. Конечно, убийство — пример особого рода. Но настоящий юрист будет протестовать против того, чтобы огромную массу случаев без предварительного правового исследования и квалификации профессионалами, что называется “чохом”, зачислять в “скрытую преступность”. Тем более, недопустимо делать из полученных виктимологических обзоров сенсацию, сравнивать социологические данные с правовой статистикой.

Социолог: Из Ваших слов следует, что виктимологические обзоры — бессмысленны? Может быть, вообще отказаться от исследования латентной преступности, если ее как бы и нет?

Юрист: Я не отрицаю существование латентной преступности. Именно юристы-практики постоянно сталкиваются с подобным явлением, когда они расследуют преступную деятельность отдельных лиц или преступных групп на протяжении длительных периодов. Обязательно всплывают незарегистрированные, неучтенные преступления, даже убийства. Но такие факты строго фиксируются, например, путем обнаружения и патологоанатомического изучения трупа. Я сомневаюсь в перспективах социологии в этом направлении, в практическом смысле ее результатов, в возможности сопоставления Ваших данных с юридической статистикой. Например, существуют так называемые пограничные ситуации, когда даже потерпевший твердо не может ответить на вопрос: был ли факт кражи или он сам обронил свой кошелек, перчатки или зонтик... При виктимологических опросах определенная часть подобных “пограничных случаев” превратится в статистику “латентной преступности”. Можно ли доверять подобным данным?

Социолог: Ваши сомнения имеют основания. Но не стоит излишне драматизировать ситуацию. Следует различать изучение единичных фактов и статистический метод, в том числе массовые опросы населения. Истина в первом случае устанавливается методом строгой идентификации единичного с общим классом явлений (заверенной профессионалами и освященной наукой). Во втором случае истина определяется как тенденция, закономерность, например, как процентное соотношение двух частей: числом лиц, подвергшихся за указанный период преступным посягательствам, и тех, кто этой участи избежал. Если из массы опрошенных, десять или двадцать респондентов ошибочно посчитают себя жертвами преступлений, и одновременно такое же количество опрошенных, в действительности подвергшихся преступным посягательствам, этот факт не отметят, то общий показатель не изменится и будет отвечать истине. В свое время А.Кетле, основатель социологии преступности, на основе такой логики доказал, что “свободная воля” не является существенным фактором для “железного закона преступности”. Он объявил свободу воли случайной причиной, а “действия всех случайных причин должны парализоваться и взаимно уничтожать друг друга...” [9, с. 71]. Таким образом, несмотря на огромное и бесконечное разнообразие человеческих воль, уголовная статистика в основных ее показателях достаточно устойчива и нередко повторяется из года в год. Эту логику можно применить и к нашему случаю, то есть к массовому явлению индивидуальных оценок людьми тех фактов и случаев, которые они относят или нет к разряду преступлений. Социологи боятся систе-

матических, а не случайных ошибок. А для того, чтобы их избежать, как раз и необходим профессиональный, а не любительский подход к проведению опросов. Мне кажется, что вторжение социологов в область, которая у нас традиционно считалась вотчиной юристов, рождает у последних нечто похожее на чувство ревности...

Юрист: Сегодня с социологами нельзя не считаться, они доказали свою полезность и эффективность в исследованиях на политические, экономические и социальные темы. Но не овладевает ли ими “синдром Икара”, или нечто схожее с “социологическим империализмом”, то есть желание вторгнуться в те отрасли знания, которые выходят за рамки их компетенции? Понятие преступления юристами вырабатывалось, без преувеличений, на протяжении сотен лет. Социологи же им оперируют достаточно вольно, а в исследованиях вроде Вашего — опускаются на уровень обыденного представления о преступлении. Кстати, выработали ли социологи свою дефиницию преступления?

Социолог: Боюсь, что нет. Хотя такие попытки предпринимались, начиная с Дюркгейма. Социологи-теоретики ставили перед собой задачу отойти от узких юридических формулировок и рассматривать преступление в широком контексте социальной жизни. Но формулировки, подобные тому, что преступление “представляет собой действие, оскорбляющее известные коллективные чувства, наделенные особой энергией и отчетливостью” [10, с. 87], оказались аморфными и не операциональными. Есть ли вообще смысл социологам, философам, психологам давать “свои” дефиниции? Не проще ли придерживаться правила: ориентируясь на уголовно-правовые формулировки и классификации, руководствоваться здравым смыслом? Особенно, когда дело касается скоротечной криминализации или декриминализации социальных явлений, за которыми не поспевает общественное мнение. Проблема социолога-эмпирика в том, что он должен провести свой корабль между Сциллой научности и Харибдой обыденности, ибо разговаривать и общаться с респондентами, используя “высокий юридический штиль”, не представляется возможным. Задачи социолога и юриста различны, и социологи могут не во всем придерживаться юридической догматики.

Юрист: Действительно, мы взвешиваем поступки людей, определяем их судьбы. Нас упрекают в догматизме, но на этом основан цивилизованный правопорядок. Любые попытки нарушить эту традицию и определять преступление и преступника не по закону, а исходя из других оснований, сколь бы “социальными”, “справедливыми”, “научными” они ни казались, ведут к одному — произволу, тирании, бесправию. В первые послереволюционные годы действовало следующее правило: центр дает основные директивы (кого и за что судить), а местные суды, руководствуясь этими указаниями и классовым сознанием, осуществляют уголовную репрессию. Например, как это имело место в отношении Виппера, того самого судебного чиновника, который в 1904 году выступал обвинителем на процессе Бейлиса. После революции Виппер занял лояльную позицию по отношению к новой власти и служил в советских учреждениях, но ему не простили участия в “антисемитском процессе”. Обвинитель на процессе, Крыленко, потребовал для подсудимого смертной казни “с точки зрения охраны революции”. Суд проявил “гуманность”, в его решении значит: “Принимая во внимание, что в своей деятельности после Октябрьской революции Виппер не про-

явил себя активным врагом советского строя, но, учитывая, что невежественные предрассудки до сих пор владеют им и делают его вредным для революции, — революционный трибунал приговорил: гражданина Виппера заключить в концентрационный лагерь с лишением свободы до полного укрепления в республике коммунистического строя” [11, с. 180]. Одного этого примера, я надеюсь, достаточно, чтобы понять, как благотворна иногда догматика.

Социолог: Пожалуй, Вы меня убедили в том, что консерватизм уголовного права и судебной системы может быть благом. Верно и то, что наши задачи различны, хоть это не снимает с повестки дня вопрос о междисциплинарных контактах и поиске точек соприкосновения. Акцент на догматизме уголовного права еще раз убеждает меня в том, что социолог не должен слепо следовать за Уголовным кодексом и руководствоваться его Общей и Особенной частями для выбора предмета своих исследований. Например, декриминализация потребления наркотиков благополучно вывела из разряда потенциальных преступников не менее полумиллиона наших сограждан. Наверное, юристы в такие минуты облегченно вздыхают. Но ведь социальная проблема не исчезает после декриминализации. Тем более, что там, где потребление, там и незаконный оборот наркотиков. Есть класс явлений, которые, хотя и не определяются строго юридически как преступления в силу их латентности или декриминализации, могут являться таковыми с точки зрения общественного мнения или рассматриваться как нечто однотипное с преступлением. М.Ковалевский, выдающийся дореволюционный социолог, в одной из своих статей, посвященной родоплеменному обществу, оперирует понятиями “дозволенные” и “недозволенные действия” [12]. Будучи по образованию юристом, он умышленно, на мой взгляд, не употребляет термин “преступление” по отношению к “догосударственному” обществу, где не было уголовно-правовой системы. Не использовать ли нам его подход для указанных случаев?

Юрист: Вполне возможно, это будет выходом для социологов, изучающих латентную преступность. Таким образом, Вы измерили не процессуально определенные юридические действия, а недозволенные действия, оцененные как таковые людьми в силу их убеждений, морали и уровня юридической грамотности. Вероятно, при юридическом исследовании определенная часть из них была бы отнесена к преступлениям. Ваши исследования, несомненно, заинтересуют юристов, не поглощенных полностью “духом корпорации”. Я согласен, что настает время профессионалов. Мне припоминается, когда советская криминология только вышла из забвения и делала первые шаги, старейший юрист-криминолог А.Герцензон критиковал ее за псевдосоциологические исследования, которые в то время действительно выполнялись не профессионалами и на низком уровне [13, с. 35–36]. С тех пор ситуация не изменилась радикально в лучшую сторону, и отсутствие авторитетных социологических исследований препятствуют взаимопроникновению и сотрудничеству.

Социолог: Я хочу поблагодарить Вас за беседу и критику моих идей. Она может быть хорошим импульсом для их развития. Я еще раз убедился в том, что социология преступности должна создаваться как прикладная отрасль социологии на стыке с уголовным правом, криминологией и другими юридическими дисциплинами. Этим она будет выгодно отличаться от тео-

рии девиантного поведения, которая создавалась, скорее, как теоретическое направление, лишь отдаленно связанное с указанными областями.

Литература

1. Криминология : Учебник / Под ред. В.Н.Кудрявцева, В.Е.Эминова. — М., 1995.
2. Криминология : Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н.Бурлакова, В.П.Сальникова. — СПб., 1998.
3. *Конец А.А.* Преступность в России и ее реальное состояние. — Н. Новгород, 1993.
4. *Coleman C., Moynihan J.* Understanding Crime Data: Haunted by Dark Figure. — Oxford, 1998.
5. The Oxford Handbook of Criminology : 2-nd ed. / Ed. by M.Maguire, R.Morgan, R.Reiner. — Oxford, 1997.
6. *Звеквич У.* Сравнение обзоров виктимизации в странах Восточной и Центральной Европы // Латентная преступность: познание, политика, стратегия : Сборник материалов международного симпозиума. — М., 1993.
7. *Шур Э.М.* Наше преступное общество (социальные и правовые источники преступности в Америке) / Пер. с англ. и общ. ред. В.Н.Кудрявцева. — М., 1977. — С. 43.
8. *Антоян Ю.М., Бородин С.В.* Преступность и психические аномалии / Отв. ред. В.Н.Кудрявцев. — М., 1987.
9. *Кетле А.* Социальная система и законы, ею управляющие / Пер. с фр. — СПб., 1866.
10. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и прим. А.Б.Гофмана. — М., 1995.
11. *Чалидзе В.* Уголовная Россия. — М., 1990.
12. *Ковалевский М.М.* Обособление дозволенных и недозволенных действий // Новые идеи в социологии / Сб. 4 : Генетическая социология. — СПб., 1914.
13. *Герцензон А.А.* Уголовное право и социология (Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики). — М., 1970.